

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_31
EDN: HQZLOA

**«Кризис поступка» героя в русской литературе XIX века
(на материале повести П. Н. Кудрявцева «Флейта»)**

Татьяна Васильевна Швецова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. 164500, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6
tavash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9637-6958>

Аннотация. В статье на материале повести П. Н. Кудрявцева (А. Нестроева) «Флейта» (1839) анализируются причины «кризиса поступка» героя. Поступок героя трактуется в согласии с философско-эстетической концепцией М. М. Бахтина, изложенной во фрагменте «К философии поступка». Выбор текста обусловлен малой изученностью художественного творчества Петра Кудрявцева, а также актуализацией проблемы поступка в современных гуманитарных исследованиях. Целью работы стал анализ образа героя повести «Флейта» и характеристика его поступка. Были выявлены значимые характеристики текста, повлиявшие на зарождение поступка героя: имя, хронотоп, картина мира, природный и мифологический подтекст. Поступок литературного героя как категория анализа вписан в определенный сюжет и философско-исторический контекст. Сюжет повести привычен для массовой литературы 30-х годов XIX столетия. История несбывшейся любви подростка созвучна сентиментальным и романтическим историям, аллюзивно восстанавливает ближайший контекст европейской (Ж.-Ж. Руссо, И.-В. Гете) и русской литературы (М. Жукова). Автор изобразил переходное состояние мира – из детства к взрослой жизни. Ретроспективный дискурс повести дает возможность увидеть события с двух точек зрения: с точки зрения ребенка и с точки зрения повзрослевшего повествователя. Мир детства (мир деревни) приближается к райскому состоянию мира. Мир города делает героя несчастным. Временной показатель согласуется с ритмом природы. Душевная драма мальчика развивается весной. Природный пласт раскрывает особенности взаимоотношений героя с окружающим миром. Философская подготовка П. А. Кудрявцева объясняет поиск ответов на «вечные» вопросы за пределами ортодоксальной религии. Место Бога в его философии занимает Природа. Поступок героя повести во многом зависит от того, как реагирует Природа. Особый интерес для исследования представляет совмещение двух пластов текста – мифологического и христианского. В статье показано, что в хронотопе произведения имеется четкая граница между профанным и священным. Вертикальная ориентация пространства повести (расположение дома на склоне горы и гордое, одинокое возвышение крыши над остальными жилищами, даже над храмом) указывает на удаленность обитателей дома от Бога. Хронотоп в исследуемой повести выполняет не только миромоделирующую, но и идентификационную функцию. В вертеровской ситуации герой Кудрявцева оказывается неспособным на поступок.

Ключевые слова: П. Н. Кудрявцев; беллетристика; «Флейта»; литературный герой; «кризис поступка»; М. М. Бахтин; картина мира

Для цитирования: Швецова Т. В. «Кризис поступка» героя в русской литературе XIX века (на материале повести П. Н. Кудрявцева «Флейта») // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 31–40. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_31. <https://elibrary.ru/HQZLOA>

Original article

**The hero's «crisis of action» in the XIX century russian literature
(based on P. N. Kudryavtsev's story «The Flute»)**

Tatiana V. Shvetsova

Candidate of philological sciences, associate professor, department of literature and the russian language, Northern (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov. 164500, Severodvinsk, Kapitan Voronin st. 6
tavash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9637-6958>

Abstract. The article analyzes the hero's «crisis of action» in the story *The Flute* (1839) by P. N. Kudryavtsev (A. Nestroyev). The research discusses the action of a literary hero through M. M. Bakhtin's philosophical and aesthetic concept outlined in the work *On the Philosophy of Action*. The reason for choosing this text is that Peter Kudryavtsev's artistic work has been studied insufficiently, and the problem of action has become a topical issue in contemporary humanitarian research. This work aims to analyze the image of the hero in *The Flute* and characterize his actions. The author identifies significant characteristics of the text that influence the origin of the hero's action: name, chronotope, picture of the world, natural and mythological subtext. The literary hero's action as a category of analysis is integrated into a particular plot and philosophical historical context. This story is common for the mass literature of the 1930s. The story of a teenager's unfulfilled love is consonant with sentimental and romantic stories, alluding directly to the context of European (J.-J. Rousseau, J.-W. Goethe) and Russian (M. Zhukova) literature. The writer showed the transitional state of the world – from childhood to adulthood. The retrospective discourse of the story makes it possible to see the events from two points of view: from the point of view of a child and that of a grown-up narrator. The world of childhood (the world of the countryside) is close to a worldly paradise. The world of the city makes the hero unhappy. The time indicator is consistent with the rhythm of Nature. The boy's emotional drama unfolds in the springtime. The theme of nature reveals the hero's relationship with the world around him. P. A. Kudryavtsev's philosophical education explains the search for answers to «eternal» questions outside the orthodox religion. Nature takes the place of God in his philosophy. The hero's action in the story depends largely on how Nature responds. Particularly interesting for the research is juxtaposition of the two textual layers – mythological and Christian. The article shows that the literary chronotope has a clear boundary between the profane and the sacred. The vertical orientation of the story's space (the location of the house on the mountainside and the proud, solitary elevation of the roof over the rest of the dwellings, even over the temple) indicates the remoteness of the inhabitants from God. The chronotope in the story under research fulfills not only a world-modeling function, but also that of identification. In the Wertherian situation, Kudryavtsev's hero is incapable of action.

Key words: P. N. Kudryavtsev; fiction; *The Flute*; literary hero; «crisis of action»; M. M. Bakhtin; picture of the world

For citation: Shvetsova T. V. The hero's «crisis of action» in the XIX century russian literature (based on P. N. Kudryavtsev's story «*The Flute*»). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):31–40. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_31. <https://elibrary.ru/HQZLOA>

Введение

Впервые в гуманитарной науке о «кризисе поступка» заговорил М. М. Бахтин [Бахтин, 2003, с. 7–68], понимая под «кризисом» разлад между мотивом поступка и его продуктом. В своей работе «К философии поступка» ученый эксплицирует связь поступка и мира, рассматривая поступок как «катеорию действительного приобщения бытию, участно-действенного переживания конкретной единственности мира» [Бахтин, 2003, с. 17]. Поступок неизменно доказывает присутствие и значимость человека в мире, в котором он рождается, живет и умирает. «План мира» есть глобальный замысел о мире, его архитектора. Он включает следующие компоненты: теоретический мир; действительный мир; мир науки; мир культуры; мир эстетического видения (мир искусства); мир, создаваемый поступком; мир, в котором поступок ответственно себя осознает и совершается. «Ни теоретическая мысль, ни эстетическая интуиция не знают, какова настоящая жизнь, реальное бытие-событие» [Бахтин, 2003, с. 21], – пишет М. М. Бахтин. Только поступок дает основание убедиться в том, что человек существует в реальном мире, творит и трансформирует его. Ключевая смысло-

вая пара в философско-эстетической системе мыслителя – это «план мира» и «план поступка».

В эстетической сфере бахтинская формула «план мира» соотносится с понятием «картина мира», или «образ мира». Следовательно, поступок литературного героя – маркер, определяющий положение героя в картине мира. Согласно Н. И. Николаеву [Николаев, 2012, с. 100], особый статус литературного героя художественного произведения определен тем, что, в отличие от иных персонажей, именно он является непосредственным центром исхождения поступка.

Ряд ученых квалифицируют XIX столетие как эпоху безгеройную (Л. М. Лотман [Лотман, 1981, с. 585–601], Б. И. Бурсов [Бурсов, 1977, с. 361], Г. Д. Гачев [Гачев, 1981, с. 109] и др.). Литература «натуральной школы», вышедшая на авансцену в сороковые годы XIX века, становится сознательно дегероизированной в своем эпическом значении. «Безгеройная» эпоха сгенерировала кризис, связанный с поступком героя. Применительно к русской литературе 40-х годов XIX столетия мы в одной из своих публикаций освещали вопрос о «кризисе поступка» [Nikolaev, Shvetsova, 2017, с. 449–462]. Другой причиной кризиса стал переходный характер самой эпохи сороковых годов XIX века. Как известно, на указанный исторический момент приходится слом

эстетических систем – переход от романтизма к реализму [Николаев, 2000], поиск новой поэтики, новых художественных форм, способных дать ответ на вопрос: кто он – герой русской литературы, и как его описывать?

Материалы и методы работы

В данной статье представлена попытка анализа дебютной повести П. Н. Кудрявцева в аспекте вопроса о «кризисе поступка» литературного героя. Для анализа мы используем подходы «интегральной поэтики», охватывающие биографический и культурно-исторический методы, а также метод комментирования и интерпретации текста. «Интегральная поэтика» [Петривняя, Июльская, 2019, с. 53–65] – способ научной интерпретации с помощью синтеза разноуровневых компонентов художественного текста в единую модель.

«Флейта» П. Н. Кудрявцева была напечатана в журнале «Московский наблюдатель» (1839). Публикация текста вызвала многочисленные отклики современников. Направление литературно-критического дискурса оформилось при посредничестве Н. Г. Чернышевского [Чернышевский, 1947, с. 489], А. В. Кольцова [Кольцов, 1836], В. Г. Белинского [Анненков, 1983, с. 268], и маятник оценок повести сильно колебался. «Кудрявцев наделен самым тонким чутьем для изящного, – говаривал Белинский, – и если ему что-нибудь нравится, так это действительно должна быть хорошая вещь...», – пишет И. В. Панаев в своих воспоминаниях [Панаев, 1860]. Н. Н. Скатов заметил, что позднее В. Г. Белинский осознал, почему «Флейта» не так уж хороша [Скатов, 1983].

То, что для современников было знаком несамостоятельности или эстетической неполноты, в актуальном исследовательском пространстве становится бесценным свидетельством рефлексии, требующим фиксации и расшифровки [Козлов, 2017, с. 177]. По утверждению А. И. Рейтблата, повести Кудрявцева входили в список широко читавшихся произведений в 40-е годы XIX века [Рейтблат, 2009]. Следовательно, в домашних библиотеках массового читателя сочинения Кудрявцева занимали определенное место, формируя дихотомию «классика / беллетристика». Давно отмечено, что стиль П. Н. Кудрявцева-Нестроева (А. Нестроев – журнальный псевдоним автора) близок стилю И. С. Тургенева [Габель, 1927, с. 115–150]. Отдельные элементы поэтики Кудрявцева войдут в писательский ар-

сенал Тургенева: встреча как прием, тема страсти, мотив сна, инструменты описания пейзажа. М. Вайскопф отмечает психологическую чуткость и тему музыкального зова в повести, а также намечает мифологическую линию в произведении, установив параллель между героем Кудрявцева и Паном [Вайскопф, 2012].

О теме магической силы красоты рассуждает другой исследователь: «Иногда красота обладает „магической силой, заставляющей героя утопать в „потоке блаженства“. Итак, красота – божественная сила, и понятие это легло в основу определенного эстетического канона женской природы» [Давидович, 1927, с. 91].

Н. П. Плечова [Плечова, 2016] применительно к данной повести Кудрявцева рассматривает идиллический топос. Прозаик демонстрирует несомненную принадлежность топосов идиллического пространства к национальной концептосфере: детство, деревня, усадьба, озеро, семья, где герой не чувствует себя абсолютно счастливым. Идиллия коррелирует с руссоистскими мотивами недостижимости гармонии в пределах земного существования. Изображение столкновения городской жизни и сельского быта приводит к невозможности сохранения идиллии. Так, персонаж у Кудрявцева страдает из-за несбывшихся надежд на взаимную любовь и неоправданного гнева со стороны отца, но при этом все повествование пронизано темой счастья.

Таким образом, литературоведы, обращаясь к повести «Флейта», исследуют мотивную структуру текста, ее мифопоэтический контекст, описывают идиллическое пространство, обращают внимание на черты романтизма, в изобилии представленные в текстах П. Н. Кудрявцева. Однако в сферу внимания исследователей вопрос о герое П. Н. Кудрявцева еще не входил.

С одной стороны, герой повести, Коля, выполняет функцию повествователя: от его имени излагаются события, выстраивающие сюжет. С другой стороны, он непосредственный участник случившегося. Поведение Коли родные называют ни много ни мало – «поступок». Этим он нам и интересен.

Результаты исследования. Условия формирования поступка героя.

Характеристика героев повести «Флейта»

Имена героев повести выбраны неслучайно. Личное имя – всегда знак принадлежности к определенному кругу и миру. Существует мнение, что имя Николай произошло от «коло», что

обозначает в русском языке не только круг: «Коло – это ось мира, кол, вокруг которого все вертится – в том числе и звезды. То есть коло – это центр вращения... с точки зрения древних традиций и само солнце есть лишь символ подлинного „Центра Мира”, которым является Божественный Принцип» [LiveInternet.ru, 2011]. Коляда (одна из форм имени Никола, Коля) – славянский праздник зимнего солнцеворота и одноименный бог.

Возможно, имя славянского бога Кудрявцев дал своему герою для того, чтобы подчеркнуть значение вращения, возвращения. По сюжету ребенок обретает качества мужчины в лесу, в деревне, куда он стремится после зимы, проведенной в Москве. Рядом с ним девушка по имени Софья, семантика которого прозрачна: премудрость. «Софийность» есть некий гармонический лад вещей, принцип закономерности и сообразности, невыразимость, «универсальная связь мира», противостоящая «несофийным» тенденциям вражды, хаоса, распада [История русской филологии...].

Думается, неслучайно первая встреча Коли с Софьей происходит при таких обстоятельствах: «Но едва успел я выполнить несколько мест третьего приема, как легкий шорох позади заставил меня оборотиться. Что-то белое мелькнуло с той стороны, где пролегалла дорога» [Кудрявцев, 1866, с. 105]. С помощью неопределенного местоимения и звукового образа, предвосхищающего визуальное появление, усиливается семантика невыразимости в этой сцене.

С появлением Софьи жизнь Коли наполняется ощущением счастья и блаженства – оно возникает при одном лишь приближении девушки. Лексема «счастье» настойчиво вводится в текст: «К счастью, надежда скорого отъезда не переставала еще меня манить», «в какой-то счастливый час день отъезда был решен окончательно» [Кудрявцев, 1866, с. 112]. Однако в деревне его и ожидает печальное известие о том, что Софья Павловна помолвлена с ротмистром: «...мне не хотелось смотреть на свет Божий, мне хотелось бы, чтобы все вдруг покрылось тьмою...» [Кудрявцев, 1866, с. 113].

Когда мальчик узнает от сестры, что его муза выходит замуж, он отправляется в церковь в страшную непогоду: «День был суровый и пасмурный. От самого утра угрюмые серые облака неровными грядами ходили по небу и поминутно орошали землю крупным дождем, который не раз оканчивался совершенным проливнем <...>

Несмотря ни на какие препятствия, я решился быть там, во что бы то ни стало. Ни за какие обеты в мире не согласился бы я отказаться от своего намерения» [Кудрявцев, 1866, с. 115–116]. О церкви говорится как об атрибуте сельского ландшафта, не более того. Обращает на себя внимание твердость выбора, решимость и бесстрашие подростка. Коля пришел в храм и любовался Софьей, стоящей у алтаря, восторгался ее красотой: «Но, Боже мой, как она была мила в эти минуты, когда вместе с теплою молитвой, кажется, вся душа ее отразилась на лице!.. Глаза, воздетые к небу, были увлажнены слегка намерзшими слезами, между тем как все черты ее сияли кроткою, небесною радостью» [Кудрявцев, 1866, с. 116]. При этом он понимает, что поступает неправильно: «С робостью человека, который идет не совсем прямой дорогой, вошел я во внутренность храма, и чтобы не быть более никем замеченным, выбрал себе самое темное место» [Кудрявцев, 1866, с. 116]. Все его внимание сосредоточено на ней: «тогда, кажется, будто все лучи очаровательной красоты ее сосредоточились на мне как в фокусе» [Кудрявцев, 1866, с. 117]. И его пронзает дерзкая мысль, «как цветок среди снежной равнины, как звезда среди белого дня»: «Что если б я?» [Кудрявцев, 1866, с. 117], «огнем мужским закипела вся душа моя». На мгновение он пожелал встать на место жениха и вернуть отнятую у него мечту. «В самом деле, никогда еще мое одиночество не было для меня так чувствительно; только эта безчувственная природа, кажется, и понимала меня и дружно вторила мне своими дикими воплями...» [Кудрявцев, 1866, с. 117]. Подросток с флейтой в руках ищет спасения от своих мыслей не в храме, он бежит в страшный лес в непогоду.

Космос пребывания Коли с потерей возлюбленной Софьи утрачивает свой смысл, свою душу; мир распадается. Коля пытается вернуть тот мир, в котором когда-то чувствовал себя счастливым и неодиноким, мир, наполненный гармонией, красотой и любовью. В этом послыше прочитывается готовность к совершению поступка. Утратив возлюбленную, юноша, в отличие от Вертера Гете, не пытается свести счеты с жизнью, он остается в своем маленьком мире.

Сюжет повести «Флейта»

Сюжет повести «Флейта» достаточно прост – его можно рассматривать среди сюжетов о несостоявшейся любви [Буяновская, Хамитов, 2017]. Подросток-музыкант безнадежно влюблен в по-

другу своей старшей сестры. Но та выходит замуж, и он, сидя в роще, скорбной мелодией оплакивает ее отъезд. Влюбленность мальчика и его страдания отдаленно напоминают то, что переживал Вертер у Гете. Немецкий автор на примере судьбы юного Вертера показал, что путь любящего сердца – не всегда есть путь к счастью, это и путь к смерти.

Главный герой предстает в двух ипостасях: взрослый мужчина и он же – двенадцатилетний мальчик, воспитываемый отцом. Кудрявцев использует ретроспективный дискурс, который позволяет рассматривать повесть как биографическую. Канва повествования представляет собой собрание эпизодов из ранней юности диегетического повествователя. Перед нами не классическая автобиография, в которой наблюдается «тенденция к идеализации периода детства в жизни человека (метафорика „райского сада“, „золотого века“ и т. д.)» [Бондарева, 2006, с. 69–74], – пишет современная исследовательница. Тем не менее отдельные компоненты идиллического топоса в тексте актуализируются.

В начале текста присутствует константа счастья и акцентировано внимание на состоянии междувременья: «Вы знаете этот счастливый возраст, который можно назвать переходом от детства к юности, период расцветания жизни, когда у нас почти нет еще прошедшего, и едва приходит на ум заглядывать в будущее» [Кудрявцев, 1866, с. 100].

«Люблю перенестись иногда мыслью в эту золотую пору моей жизни, люблю освежиться, помолодеть на минуту в этом маленьком мире воспоминаний» [Кудрявцев, 1866, с. 101]. Большой мир противопоставляется малому – миру воспоминаний. Два этих мира имеют возможность соприкосновения, взаимопроникновения посредством сна и различных намеков. Звуки флейты – один из таких путей. В авторской подаче это выглядит так: «Но едва перенесешься, как начинаешь жалеть, что запас их так ограничен и что сверх того в этом тесном кругу есть столько пробелов. Смотри в туманную даль будущего, можно по крайней мере распространять там какую-нибудь одну любимую мысль: а в истории минувшего надобно еще отыскивать одну постоянную идею. Но как прикажете? Чем дальше идешь назад по пройденному, или, лучше, по прожитому пути, тем упрямее становится память; наконец останется что-то неопределенное как видение, что-то смутное как сон!... да, как сон, который вдруг обставит вас всеми декорациями, так что вы

очень хорошо чувствуете себя в том или в другом положении, и не можете объяснить себе, откуда эта длинная перспектива. Нить воспоминаний беспрестанно прерывается; иногда, как оазисы в пустыне, мелькают счастливые положения, заманчивые картины; но общее почти неуловимо, и представляется в каком-то отрывочном виде...» [Кудрявцев, 1866, с. 101]. Сон – пограничное состояние между двумя мирами, инструмент проникновения в мир иной. Через сон потустороннее проникает в человеческую реальность. Во сне очевидна пунктирность мысли, прерывание потока воспоминаний, неопределенность того, что видится. В приведенном фрагменте автор нагнетает эти смыслы.

Семантика неопределенности навязывается автором в тексте: «Как-то около этого времени, может быть, несколько ранее или позже, в нашем однообразном семейном быту произошла небольшая перемена по случаю приезда сестры, только что вышедшей из института», «в голове моей глубоко заронился один случай, который относится именно к началу наших связей», «случилось, что батюшка, рассерженный ли негодяем управителя, или от припадка мизантропии, был чрезвычайно не в духе» [Кудрявцев, 1866, с. 104]. «Что-то белое мелькнуло с той стороны, где пролегала дорога» [Кудрявцев, 1866, с. 105]. Случайность живет в субъективных переживаниях «смертного» человека, неспособного постичь сакральный миропорядок. Случайное пространство – мир, в котором нет божественной определенности.

Стержень сюжета организует мотив возвращения. Молодой герой покидает деревню и возвращается в нее. Ритмичность смены времен года, дня и ночи, света и тьмы задает движение сюжета.

Имеет место удвоение сцен в повести: герой встречает девушку дважды в одном и том же лесу, на том же месте, при разных обстоятельствах.

Смысловой центр повести составляет имплицитное описание обряда инициации: «Я был в том состоянии перехода от тревожного, смутного сна к обычной реальности, когда исполинские, но малораздельные образы разгоряченной фантазии меркнут перед мелочными, но резко очерченными предметами дневного света...» [Кудрявцев, 1866, с. 118].

Во «Флейте» реконструируется «инициативская трансмиссия» (Р. Генон [Генон, 2003]), суть которой заключается в возвращении человека в «райское» состояние до грехопадения. Это ми-

стический опыт, предполагающий обретение сакрального знания через соприкосновение со смертью и ее преодоление. Мальчик после случившегося изменился, на что обратили внимание окружающие: «...я видел лица, и едва умел различать их выражение; я слышал звуки, но редко проникал в их значение: люди и предметы мелькали передо мною как тени, я не думал останавливать их, спокойно провожая глазами. Батюшка привык наконец к моим „странностям“, и, все объясняя себе моим мечтательным характером, оставлял меня в покое» [Кудрявцев, 1866, с. 118–119]. Процесс преобразования выражается на уровне передвижения героя в день последней встречи с Софьей Павловной: «Ближе ко мне, почти под прямым углом, спадала с нее небольшая извилистая дорожка, которая вела прямо от нашего дома <...>, а на дальнем конце его чуть белелся купол нашей приходской церкви. Я расположился на самой вершине холма, в десяти шагах от дороги, и погрузил взоры свои в неясную даль» [Кудрявцев, 1866, с. 120]. Если в начале повести он передвигается только в горизонтальном направлении, то в последнем эпизоде взбирается на холм и смотрит на происходящее сверху вниз.

Хронотоп в повести «Флейта»

Пространство картины мира в начале повести организовано описанием летнего домика, так же, как позже у П. Кудрявцева в повести «Последний визит», у Н. Некрасова в романе «Мертвое озеро», у И. Тургенева в очерке «Гамлет Щигровского уезда»: «Он стоял на скате небольшого холма, позади скромной деревеньки, гордо выставляя крашеную крышу свою над ее соломенными крышами; прямо перед ним, в глубокой ложбине, стлалось чистое озеро, теряясь вправо узким концом своим в глуши старого ельника» [Кудрявцев, 1866, с. 101]. Дом находится на пересечении пространственной горизонтали и пространственной вертикали, которые при наложении образуют крест. Как известно, крест – солярный символ. «Мы воротились в деревню, когда солнце совершило уже летний поворот свой» [Кудрявцев, 1866, с. 112], – размышляет юный герой. День летнего солнцестояния – славянский праздник, самый длинный день в году. Приходится на 21 июня. Если герой возвращается в деревенский домик после этой даты, соответственно, день идет на убыль, ночь становится длиннее и принимает мир в свои объятия.

Примечательно, что второе светило – Луна – покровительствует природной стихии, лесу и озеру, пространству дикому, в котором человек чувствует себя неуверенно. Образ луны оформляет сакральное пространство и ассоциируется с женским началом.

Именно бледный свет луны привлекает в летний домик гостей, что очень радует юного хозяина. Такими лунными вечерами во время глубокого сна природы совершаются длительные прогулки по озеру. В водном пространстве Коля и его спутники чувствуют себя зачарованными. Здесь, на озере, – мертвая тишина и покой, сон. Вода отделяет их от другого мира, где раздаются «голоса забостонных игроков».

В картине мира Кудрявцева, преклонявшегося перед идеями Мартина Лютера и вдохновляемого его судьбой, место Бога вытесняет другое божество – Природа. В тексте неоднократно подчеркивается слитность мальчика и природы: «Смело разлилась моя песня в темном бору, задробилась трелью соловьиною и тихо откликнулась мне издали, как дружеский голос на чужой стороне. Будто лес заговорил со мной, будто деревья протягивали ко мне ветви свои, чтобы слушать песню мою...» [Кудрявцев, 1866, с. 105]; лес говорит с мальчиком, песня сливается со звуками леса – «бор откликнулся», «деревья протягивали ветви ко мне»; «А природа, немая, безгласная природа? Раскаленный шестимесячным зноем песок пустыни не с такою жадностью впивает в себя капли дождя, с какою поглощала она эти одинокие звуки...» [Кудрявцев, 1866, с. 110]. Повесть задает представление о тождестве всего живого. В поэтической картине мира «Флейты» подросток не выделен из мира природы и не испытывает чувства экзистенциальной тревоги наедине с ней. В то же время природа определяется как безгласная, бесчувственная. Эпитеты близки тому, что произнесет позже герой лирической миниатюры И. С. Тургенева: «Она немая, она без слов, она сама себя не понимает – но я ее понимаю» («Собака»). Перечисленные определения вполне укладываются в концепцию мира, разработанную Блезом Паскалем. Основная паскалевская идея, пришедшая по душе русским художникам слова в 40-е годы XIX века, – идея родства человека и природы. Пугающее молчаливое пространство – это не просто физическое молчание, но молчание смысловое. Картина мира Паскаля есть картина мира Нового времени, которую М. Хайдеггер называл «временем картины мира» [Панкрать-

ев...]. Мир эпохи Паскаля стал картиной, утратил ту беспредельность, которая была характерна для него во времена Ренессанса. Картина есть то, что дано познающему взору во всей исчерпанности. Мир, ставший картиной и открытый для познания, оказался закрытым для Бога. Христианский Бог сокровенен. Отсутствие Бога в мире заставляет искать его в других местах. Природа не может привести серьезных доводов в пользу существования Творца. Возможно, учение Паскаля о сокровенности Бога хорошо ассимилировалось в сознании автора повести «Флейта», получившего образование в семинарии.

В варианте Кудрявцева природа – незримый страж, оберегающий свое детище – человека: «старые ели, как окаменелые великаны, стояли настороже по берегу и далеко бросали тень свою на побережье» [Кудрявцев, 1866, с. 109].

Локус леса

Подросток оказывается в лесу дважды. Первая сцена выстроена с таким аккомпанементом: «...я тихо поплелся лесом, придерживаясь просеки, которая вела к селу. <...> Кругом была тишь и глушь; ни одна вечерняя птичка не смущала угрюмой дремоты леса своей песней. Здесь, под наитием этого торжественного безмолвия, сердце как бы поуспокоилось, прежняя мятежная тоска сменилась тихой грустью; я схватился за флейту и начал какую-то русскую песню. <...> Будто лес заговорил со мной, будто деревья протягивали ко мне ветви свои, чтобы слушать песню мою...» [Кудрявцев, 1866, с. 105]. Лес – традиционно локус, в котором происходил обряд инициации, перехода, «символической смерти», когда мальчик становится мужчиной.

В лесу мальчик играет на флейте, «расположившись под старой елью, шагах в десяти от дороги» [Кудрявцев, 1866, с. 105]. Старая ель – образ, восходящий к мифу (это пространственный образ, выстраивающий мир по вертикали, аналог Мирового древа). У подножия ели мальчик «начал играть какую-то русскую песню» [Кудрявцев, 1866, с. 105]. Душевное состояние ребенка оформляет русская песня.

Локус церкви

В тексте повести структурируется картина мира, в которой место Создателя не вербализовано. Церковь – вместилище творца описана так: «Влево от озера, в глубине широкой просеки, виднелась старинная приходская церковь, немало заслоненная крылом большого господско-

го дома, который своим уединенным положением и своею угрюмостью часто манил мое детское любопытство...» [Кудрявцев, 1866, с. 102]. В иносказательном подтексте формируется идея десакрализации мира, в котором человек ставит себя выше Бога, не испытывает священного трепета перед высшими силами.

Автор противопоставил мир хаоса и космоса, язычества и христианства. Историк и философ П. Н. Кудрявцев в своей первой повести изобразил бытие мира в переходный момент, когда картина мира начинает обретать статус антропоцентричной. Это состояние – отделение от детства (мифа) и переход во взрослую жизнь (христианство).

Для героя мифа не возникает вопрос выбора, т. к. все в мире возвращается на круги своя. Христианская мифология поставила в круг человека, который имеет возможность личностного выбора. С христианского мифа начинается самосознание человека, и в этом его трагедия. Человек отделился от природы и начал думать, анализировать происходящее вокруг, ставить вопросы. Такой переход от языческого мифа к мифу христианскому зафиксировал Кудрявцев: в тексте совмещаются два пространства – профанное и сакральное. Коля постоянно находится на пересечении этих пространств. Временной показатель в повести подчинен природному ритму: лето, суровая осень, зима, весна.

Через приобщение к античному мифу о Пане автор показал способ постижения человеком себя и мира. П. Н. Кудрявцев – сын священника, выпускник духовной семинарии, человек, которому «страх Божий внушен был с самого первого возраста» [Кудрявцев, 1991, с. 207–209]. Профессор философии, обучившийся этой науке в Германии на занятиях у Шеллинга, Риттера, Ранке, он увидел в Реформации «десакрализацию христианства как результат усвоения им (христианством) идей гуманизма» [Едошина, 2018, с. 270]. Автор оставался, подобно Мартину Лютеру, человеком глубоко религиозным, но ищущим другого христианства; его убеждения рождали новый взгляд на мир и место человека в нем. Он поставил в центр мироздания человека, «сменив средневековую вертикаль устройства мира на ренессансную горизонталь», – пишет И. А. Едошина [Едошина, 2018, с. 273].

Тяготение к мифологии у Кудрявцева, видимо, не просто дань романтической поэтике. Русская славянская мифология ориентирована на культ героев. Мифология героя – то, чего не хва-

тало русской литературе в рассматриваемый период. Велика была потребность в герое, способном на свершение поступка.

Заключение

В. Г. Белинский высоко оценил одну из первых повестей П. Н. Кудрявцева, поскольку он увидел в ней мир, не утративший чувства волшебства и сказочности, не «расколдованный» (в терминологии Макса Вебера).

Неслучайно основной действующий персонаж в повествовательном центре сюжета «Флейты» – 12-летний мальчик. Ребенок реагирует на мир, наполненный Божественной силой. Мир, созданный Богом, есть таинство. Детское восприятие рисует сакральный мир. Мир взрослого не наполнен тайной, он обытовлен. В десакрализованном мире поступок утрачивает свое ценностное значение.

В картине мира, описанной П. Н. Кудрявцевым в повести «Флейта», «поступок» героя очевиден, заложена лишь попытка его свершения. Автор, может быть, неосознанно показывает картину мира, где Божественная воля никак себя не проявляет, поступок как способ приобщения к миру (в том значении, о котором пишет М. М. Бахтин) становится не нужен. Русская литература приходит к «кризису поступка». Этот «кризис» будет преодолен с приходом классического русского романа.

Библиографический список

1. Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848 // Литературные воспоминания / вступ. статья В. И. Кулешова; коммент.: А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой. Москва : Художественная литература, 1983. (Серия литературных мемуаров). Гл. XXVIII. С. 268. URL: https://imwerden.de/pdf/annenkov_literaturnye_vospominaniya_1983 (дата обращения: 21.04.2023).
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Собрание сочинений : в 7 т. / Ин-т мировой литературы им. М. Горького Российской акад. наук. Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2003. Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. С. 7–68.
3. Бондарева Л. М. К проблеме организации текстового пространства в немецкоязычном автобиографическом дискурсе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. № 2 : Филологические науки. С. 69–74.
4. Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы. Москва, 1977. 395 с.
5. Буяновская В. И. «Невытанцовывавшая любовь» в русских повестях 1840-х годов: накануне психологического романа / В. И. Буяновская, М. Р. Хамитов // Новое литературное обозрение. 2017. URL: <https://publications.hse.ru/articles/198627318> (дата обращения: 21.04.2023).
6. Вайскопф М. Влюбленный демиург. Метафизика и эротика русского романтизма / ред. А. Ранчин. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. 696 с. (Научная библиотека).
7. Габель М. О. «Три встречи» Тургенева и русская повесть 30-40-х годов XIX века // Русский романтизм : Сборник статей / под ред. А. И. Белецкого. Ленинград : Academia, 1927. С. 115–150. (Материалы и исследования по истории русской литературы XIX-го века; I). URL: https://imwerden.de/pdf/russky_romantizm_sbornik_statej_pod_red_beletskogo_academia_1927_text (дата обращения: 21.04.2023).
8. Гачев Г. Д. Образ в русской художественной культуре. Москва : Искусство, 1981. 246 с.
9. Генон Р. Символика и философия // Заметки об инициации. [Б. м.] : Прогресс-Традиция, 2003. Гл. XVIII. URL: https://royallib.com/read/genon_rene/zametki_ob_initsiatsii.html#0 (дата обращения: 21.04.2023).
10. Давидович М. Г. Женский портрет у русских романтиков первой половины XIX века // Русский романтизм : Сборник статей / под ред. А. И. Белецкого. Ленинград : Academia, 1927. С. 88–114. (Материалы и исследования по истории русской литературы XIX-го века; I). URL: https://imwerden.de/pdf/russky_romantizm_sbornik_statej_pod_red_beletskogo_academia_1927_text (дата обращения: 21.04.2023).
11. Едошина И. А. П. Н. Кудрявцев – исследователь Гуманизма и Реформации в Германии // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 1. С. 269–274.
12. Значение имени Николай // LiveInternet.ru. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3469412/post146899571/> (дата обращения: 21.04.2023).
13. История русской философии. Лекция 11. Софиология после В. С. Соловьева : презентация // Московский государственный институт международных отношений, Кафедра философии им. А. Ф. Шишкина. URL: https://nibiryukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_ppp/nbr_ppp_istoriya_russkoy_filosofii/nbr_irf11_sofiologiya.pptx (дата обращения: 21.04.2023).
14. Козлов А. Е. О диахроническом изучении истории русской беллетристики XIX века // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 2. С. 177–188.
15. Кудрявцев П. Н. Гуманизм и Реформация в Германии // Лекции. Сочинения. Избранное / сост. С. А. Асиновская, примеч. Т. Д. Сергеевой. Москва : Наука, 1991. С. 207–209. (Серия «Памятники исторической мысли»).
16. Кудрявцев П. Н. Повести и рассказы : в 2-х ч. Часть I // Сочинения. Москва : Унив. тип. (Катков и К°), 1866. С. 100–121.

17. Лотман Л. М. *Натуральная школа и проза начала 1850-х гг.* // История русской литературы : в 4 т. / Академия наук СССР, Ин-т русской литературы ; ред. Е. Н. Купреянова. Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1981. Т. 2 : От сентиментализма к романтизму и реализму. Гл. 22. С. 580–634.

18. Николаев Н. И. К вопросу об уточнении понятия «литературный герой» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 100–104.

19. Николаев Н. И. *Русская литературная травестия. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века : учебное пособие для спецкурса / М-во образования Рос. Федерации, Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск : Изд-во Поморского гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2000. 116 с.*

20. Панаев И. И. Воспоминания о Белинском (15 января 1860 г.). Часть 4 // Проект Культура Советской России. URL: http://obelinskom.ru/ob_avtore/365-4.html (дата обращения: 21.04.2023).

21. Панкратьев О. В. Паскаль и картина мира. URL: <http://comenius8.narod.ru/conferens/kozyrev/pankratiev.htm> (дата обращения: 21.04.2023).

22. Петривняя Е. К. Интегральная поэтика повести А. С. Пушкина «Метель» / Е. К. Петривняя, Е. Г. Июльская // Русский язык в Армении. 2019. № 2 (111). С. 53–65.

23. Письмо А. В. Кольцова к В. Г. Белинскому по поводу повести «Флейта» (3 марта 1836 г. Питер) // ВикиЧтение. URL: <https://biography.wikireading.ru/294845> (дата обращения: 21.04.2023).

24. Плечова Н. П. Идиллическое в прозе П. Н. Кудрявцева («Флейта», «Недоумение», «Отрывок») // Pskgu.ru. URL: https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt141/wt141_23 (дата обращения: 21.04.2023).

25. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. Москва : Новое лит. обозрение, 2009. 448 с. (Historia Rossica).

26. Скатов Н. Н. Кольцов // TheLib.Ru : электронная библиотека. URL: https://thelib.ru/books/skatov_nikolay_nikolaevich/kolcov-read-15.html (дата обращения: 21.04.2023).

27. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. / под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского [и др.] ; подготовка текста и коммент.: Н. М. Чернышевской; ред. текста: С. С. Борщевского. Москва : Гослитиздат, 1947. Т. III. 884 с.

28. Nikolaev N. I. «Crisis of action» of the Russian literary character in literary discourse / N. I. Nikolaev, T. V. Shvetsova // Man in India. 2017. Vol. 97. № 10. P. 449–462.

Reference list

1. Annenkov P. V. Zamechatel'noe desjatiletie. 1838–1848 = A remarkable decade. 1838-1848 // Literaturnye

vospominaniya / vstup. stat'ja V. I. Kuleshova; komment.: A. M. Dolotovoj, G. G. Elizavetinoj, Ju. V. Manna, I. B. Pavlovoj. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1983. (Serija literaturnyh memuarov). Gl. XXVIII. S. 268. URL: https://imwerden.de/pdf/annenkov_literaturnye_vospominaniya_1983 (дата обращения: 21.04.2023).

2. Bahtin M. M. K filosofii postupka = On the philosophy of action // Sbornik sochinenij : v 7 t. / In-t mirovoj literatury im. M. Gor'kogo Rossijskoj akad. nauk. Moskva : Russkie slovari : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. T. 1 : Filosofskaja jestetika 1920-h godov. S. 7–68.

3. Bondareva L. M. K probleme organizacii tekstovogo prostranstva v nemeckojazychnom avtobiograficheskom diskurse = To the problem of organizing textual space in German autobiographical discourse // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. 2006. № 2 : Filologicheskie nauki. S. 69–74.

4. Bursov B. I. Nacional'noe svoeobrazie russkoj literatury = National identity of Russian literature Moskva, 1977. 395 s.

5. Bujanovskaja V. I. «Nevytancovavshajasja ljubov'» v russkih povestjah 1840-h godov: nakanune psihologicheskogo romana = «Failed love» in Russian narratives of the 1840s: on the eve of the psychological novel / V. I. Bujanovskaja, M. R. Hamitov // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. URL: <https://publications.hse.ru/articles/198627318> (дата обращения: 21.04.2023).

6. Vajskopf M. Vljublennyj demiurg. Metafizika i jerotika russkogo romantizma = Demiurge in love. Metaphysics and eroticism of Russian Romanticism / red. A. Ranchin. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 696 s. (Nauchnaja biblioteka).

7. Gabel' M. O. «Tri vstrechi» Turgeneva i russkaja povest' 30-40-h godov XIX veka = Turgenev's Three Encounters and the Russian narrative of the 1830s-1840s // Russkij romantizm : Sbornik statej / pod red. A. I. Beleckogo. Leningrad : Academia, 1927. S. 115–150. (Materialy i issledovanija po istorii russkoj literatury XIX-go veka; I). URL: https://imwerden.de/pdf/russky_romantizm_sbornik_statej_pod_red_beletskogo_academia_1927_text (дата обращения: 21.04.2023).

8. Gachev G. D. Obraz v russkoj hudozhestvennoj kul'ture = Image in Russian literary culture. Moskva : Iskusstvo, 1981. 246 s.

9. Genon R. Simvolika i filosofija = Symbols and philosophy // Zametki ob iniciacii. [B. m.] : Progress-Tradicija, 2003. Gl. XVIII. URL: https://royallib.com/read/genon_rene/zametki_ob_initsiatsii.html#0 (дата обращения: 21.04.2023).

10. Davidovich M. G. Zhenskij portret u russkih romantikov pervoj poloviny XIX veka = Women's portrait in Russian Romantics' work in the first half of XIX century // Russkij romantizm : Sbornik statej / pod red. A. I. Beleckogo. Leningrad : Academia, 1927. S. 88–114. (Materialy i issledovanija po istorii russkoj literatury XIX-go veka; I). URL:

https://imwerden.de/pdf/rusky_romantizm_sbornik_state_j_pod_red_beletskogo_academia_1927_text (data obrashhenija: 21.04.2023).

11. Edoshina I. A. P. N. Kudrjavcev – issledovatel' Gumanizma i Reformacii v Germanii = P. N. Kudriavtsev – researcher of Humanism and Reformation in Germany // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 1. S. 269–274.

12. Znachenie imeni Nikolaj = The meaning of the name Nikolai // LiveInternet.ru. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3469412/post146899571/> (data obrashhenija: 21.04.2023).

13. Istorija russoj filosofii. Lekcija 11. Sofiologija posle V. S. Solov'eva = History of Russian philosophy. Lecture 11. Sophiology after V.S. Soloviev : prezentacija // Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh odnoszenij, Kafedra filosofii im. A. F. Shishkina. URL: https://nibirjukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_ppp/nbr_ppp_istoriya_russoj_filosofii/nbr_irf11_sofiologiya.pptx (data obrashhenija: 21.04.2023).

14. Kozlov A. E. O diahronicheskom izuchenii istorii russoj belletristiki XIX veka = On the diachronic study of XIX century Russian fiction history // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. T. 7, № 2. S. 177–188.

15. Kudrjavcev P. N. Gumanizm i Reformacija v Germanii = Humanism and Reformation in Germany // Lekcii. Sochinenija. Izbrannoe / sost. S. A. Asinovskaja, primech. T. D. Sergeevoj. Moskva : Nauka, 1991. S. 207–209. (Serija «Pamjatniki istoricheskoj mysli»).

16. Kudrjavcev P. N. Povesti i rasskazy = Novellas and stories : v 2-h ch. Chast' I // Sochinenija. Moskva : Univ. tip. (Katkov i K°), 1866. S. 100–121.

17. Lotman L. M. Natural'naja shkola i proza nachala 1850-h gg. = Natural school and prose in the early 1850s // Istorija russoj literatury : v 4 t. / Akademija nauk SSSR, In-t russoj literatury ; red. E. N. Kuprejanova. Leningrad : Nauka, Leningradskoe otd-nie, 1981. T. 2 : Ot sentimentalizma k romantizmu i realizmu. Gl. 22. S. 580–634.

18. Nikolaev N. I. K voprosu ob utocnenii ponjatija «literaturnyj geroj» = On clarifying the concept «literary hero» // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2012. № 3. S. 100–104.

19. Nikolaev N. I. Russkaja literaturnaja travestija. Vtoraja polovina XVIII – pervaja polovina XIX veka = Russian literary travesti. The second half of XVIII – the first half of XIX centuries : uchebnoe posobie dlja speckursa / M-vo obrazovanija Ros. Federacii, Pomorskij gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Arhangel'sk : Izd-vo Pomorskogo gos. un-t im. M. V. Lomonosova, 2000. 116 s.

20. Panaev I. I. Vospominanija o Belinskom (15 janvarja 1860 g.). Chast' 4 = Memories of Belinsky (January 15, 1860). Part 4 // Proekt Kul'tura Sovetskoi Rossii. URL: http://obelinskom.ru/ob_avtore/365-4.html (data obrashhenija: 21.04.2023).

21. Pankrat'ev O. V. Paskal' i kartina mira = Pascal and the world view. URL: <http://comenius8.narod.ru/conferens/kozyrev/pankratiev.htm> (data obrashhenija: 21.04.2023).

22. Petrivnaja E. K. Integral'naja pojetika povesti A. S. Pushkina «Metel'» = Integral poetics of A. S. Pushkin's novella The Snowstorm / E. K. Petrivnaja, E. G. Ijul'skaja // Russkij jazyk v Armenii. 2019. № 2 (111). S. 53–65.

23. Pis'mo A. V. Kol'cova k V. G. Belinskomu po povodu povesti «Flejta» (3 marta 1836 g. Piter) = A.V. Koltsov's letter to V. G. Belinsky on the novella «The Flute» (March 3, 1836, Peter) // VikiChtenie. URL: <https://biography.wikireading.ru/294845> (data obrashhenija: 21.04.2023).

24. Plechova N. P. Idillicheskoje v proze P. N. Kudrjavceva («Flejta», «Nedoumenie», «Otryvok») = The idyllic in P. N. Kudryavtsev's prose («The Flute», «Perplexity», «Excerpt») // Pskgu.ru. URL: https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt141/wt141_23 (data obrashhenija: 21.04.2023).

25. Rejtblat A. I. Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoj sociologii russoj literatury = From Bova to Balmont and other works on historical sociology of Russian literature. Moskva : Novoe lit. obozrenie, 2009. 448 s. (Historia Rossica).

26. Skatov N. N. Kol'cov = Koltsov // TheLib.Ru : jelektronnaja biblioteka. URL: https://thelib.ru/books/skatov_nikolay_nikolaevich/kolcov-read-15.html (data obrashhenija: 21.04.2023).

27. Chernyshevskij N. G. Polnoe sobranie sochinenij : v 15 t. = Complete works: in 15 vols. / pod obshh. red. V. Ja. Kirpotina, B. P. Koz'mina, P. I. Lebedeva-Poljanskogo [i dr.] ; podgotovka teksta i komment.: N. M. Chernyshevskoj; red. teksta: S. S. Borshhevskogo. Moskva : Goslitizdat, 1947. T. III. 884 s.

28. Nikolaev N. I. «Crisis of action» of the Russian literary character in literary discourse / N. I. Nikolaev, T. V. Shvetsova // Man in India. 2017. Vol. 97. № 10. P. 449–462.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 14.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 17.02.2023; approved after reviewing 14.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.